

В храме Святой Матери Белого Лотоса людей оказалось куда больше, чем можно было предположить.

Толпы паломников и праздных зевак сновали туда-сюда. Запряжённые быками повозки и редкие богатые экипажи запрудили всю дорогу, едва ли не дочиста перекрыв вход в обитель.

Народу было не протолкнуться.

Фу Цанчжоу, Су Чжэнь и прислуживающий им Баоцзин ничем не выделялись в этом бурлящем человеческом море. Плывя по течению, они безропотно следовали за толпой, уносившей их в глубь храмового двора.

Воздух застилали сизые клубы благовоний, пахло гарью и дешёвым сандалом. Юноша слегка втянул носом воздух, и внутри у него всё сжалось от дурного предчувствия. Оглядевшись по сторонам, он принялся изучать лица и взгляды молящихся, незаметно задеиствуя своё потустороннее чутьё на полную мощность.

— Осторожнее, — Су Чжэнь мягко приобнял его за плечо.

Низкий мужской голос мгновенно вырвал погружённого в мысли Фу Цанчжоу из задумчивости.

— Спасибо, — машинально вырвалось у него.

— Заметил что-то подозрительное?

Фу Цанчжоу кивнул:

— С этим благовонным дымом что-то не так.

— Что именно?

— Я не очень разбираюсь в благовониях, — с лёгким смущением признался юноша, но тут же продолжил: — Однако на первый взгляд этот дым слегка туманит разум.

Особого вреда от него не было: разве что люди после него спали беспробудным сном да видели всякую мешанину во сне.

Су Чжэнь понимающе кивнул и больше ни о чём не спрашивал, погрузившись в раздумья.

— Как только увидим изваяние Святой Матери, всё сразу прояснится.

Сказав это, Фу Цанчжоу покосился на своё правое плечо.

«Этот парень... он что, забыл убрать руку?»

Колеблясь секунду-другую, он всё же решил промолчать. Дружеские похлопывания и объятия за плечи среди мужчин — дело самое обычное. И пусть они не были настолько близки, чтобы так запросто обниматься, устраивать сцену из-за пустяка показалось бы излишней придирчивостью.

Выкинув глупости из головы, Фу Цанчжоу сосредоточился на Святой Матери Белого Лотоса.

Острый слух позволил ему улавливать обрывки перешёптываний в толпе.

—... И что, правда помогает? — слышался недоверчивый девичий голосок. Похоже, эту барышню привели сюда силой, и сама она в чудеса Святой Матери Белого Лотоса ни капли не верила.

— Поостерегись говорить такое, Четвёртая сестра! — строго оборвал её другой, более зрелый женский голос.

Собеседница тут же притихла.

Смягчив тон, старшая женщина продолжила вкрадчивым шёпотом:

— Божественная сила Святой Матери безгранична, её словами не описать. Скажу тебе лишь одно...

Она наклонилась к самому уху девушки:

— Вспомни, как в начале года у меня родился крепкий сынишка? Ты же знала, сколько порогов я до этого обила, вымаливая наследника.

Четвёртая сестра тихо ахнула, в её голосе задрожало благоговение вперемешку с надеждой:

— Ты... ты хочешь сказать...

— Твоё заветное желание тоже исполнится.

—...

Подобные разговоры то и дело вспыхивали то тут, то там среди паломников.

Фу Цанчжоу лишь мысленно покачал головой.

«И как только люди во всё это верят? Допустим, это правда. Но как именно эта Святая Матерь дарует бесплодным детей, а жаждущим наследника — сыновей? Абсолютно ненаучно».

Впрочем, глупо было рассуждать о науке, учитывая его собственное нынешнее положение. Какая уж тут наука, когда он сам наполовину призрак?

Размышлять об этом не имело смысла, сейчас важнее всего было добраться до подлинного облика Святой Матери.

К сожалению, они прибыли в самый разгар приготовлений. Торжественная служба должна была начаться ровно через полчаса. В этот момент жрецы собирались призвать божество, дабы оно снизошло и явило себя в храмовой статуе.

Из-за этого обычных посетителей перестали пускать в главный зал. Троице пришлось затеряться среди верующих и выжидать удобного момента.

Предновогодняя служба в первый день лунного месяца отличалась от обычных обрядов. Объявленное на полдень начало на деле оказалось лишь подготовкой: верующие пали ниц, безостановочно твердя нелепые, путанные молитвы вроде: «Верный раб твой добровольно веряет тебе свою душу» и «Молю Святую Матерь явить свой лик».

По заведённому порядку это массовое коленопреклонение должно было продолжаться весь день, вплоть до самых сумерек.

Лишь на закате каждому верующему предстояло зажечь свой собственный светильник сердца. В знак величайшей преданности в воск для свечи следовало добавить каплю крови из своего пальца.

И лишь когда день окончательно уступит права ночи, Святая Матерь наконец явит чудо.

Все эти долгие приготовления, по-видимому, устраивались лишь для того, чтобы подчеркнуть величие и недостижимость богини. Ведь если бы она являлась по первому зову, её милость казалась бы слишком дешёвой.

«Ну и дурачье, — мысленно выругался Фу Цанчжоу. — Отдавать собственные души, да ещё и кровью свечки заправлять... Это какими кретинами надо быть? Разве можно так легко разбрасываться своей жизненной силой?»

Увидев, что служители храма начали раздавать паломникам подсвечники для зажигания светильников сердца, юноша, продолжая про себя поносить этот культ на чём свет стоит, увлёк Су Чжэня за собой в самый малолюдный угол двора. Баоцзин бесшумной тенью последовал за ними.

Фу Цанчжоу незаметно сделал несколько пассивных шагов руками.

Несмотря на ясный полдень, вокруг их троицы соткалась едва различимая пелена тумана. Дымка была настолько тонкой, а воздух во дворе и без того пропитался сизыми клубами благовоний, что никто из окружающих не заметил ничего странного.

— Что это? — тихо спросил Су Чжэнь.

— Так нас никто не увидит.

После того как его способность «Трансформация в туман» поднялась на уровень выше, у него появилось множество полезных мелочей. Как оказалось, порой они приходятся весьма кстати. По крайней мере, теперь ему не придётся вместе с толпой послушных баранов усаживаться на колени перед этой фальшивой святошей.

Его маленькое колдовство удостоилось лаконичной, но искренней похвалы от Су Чжэня.

Фу Цанчжоу внутренне так и расплылся от удовольствия.

«Это ещё что! У меня в запасе есть трюки и покруче!»

Пока в их укрытии царил непринуждённое согласие, снаружи нарастала гнетущая, торжественная атмосфера. Все, хоть и с разным настроением, ждали одного — наступления сумерек, когда должна была явиться Святая Мать.

Фу Цанчжоу полностью подготовился к бою. В левой руке он незаметно зажал Проклинающий небеса громовой талисман, а правой коснулся покоившегося на поясе черного гробика — своего верного артефакта «Запечатывание гроба». Народу вокруг было слишком много, к тому же ему нужно было защитить Су Чжэня и Баоцзина, так что осторожность не казалась излишней.

Зимой темнеет быстро. Не успели они оглянуться, как солнце скрылось за горизонтом, уступив место вечерней прохладе. Верующие один за другим принялись зажигать свои светильники сердца.

Фу Цанчжоу пустил по венам призрачную силу. В то же мгновение его тёмные глаза налились багрянцем, превратившись в наводящие ужас алые бездны. На бледном, застывшем лице это выглядело жутко, а сам его силуэт будто утратил плотность, сделавшись зыбким и

потусторонним. Сейчас он окончательно перестал походить на человека.

Как только вспыхнули первые огни, взору Фу Цанчжоу открылась жуткая картина.

Ведомые струйками благовонного дыма, нити жизненных сил и душевной эссенции паломников начали медленно сочиться наружу, устремляясь к величественной статуе. Люди отдавали себя добровольно, даже не подозревая о краже.

Безжизненное изваяние Святой Матери, стоявшее неподвижно весь день, в момент «пришествия» внезапно зашевелилось на тонком плане. Из его тела вырвались тысячи тончайших, длинных призрачных щупалец, невидимых для обычного человеческого глаза. С поразительной точностью эти призрачные жгуты устремились к толпе, вонзаясь прямо в грудные клетки тех, кто окропил светильники собственной кровью.

Фу Цанчжоу содрогнулся, отчётливо видя, как скользкие нити обвивают бьющиеся человеческие сердца и проникают в самую глубь их незащищённых душ.

До боли знакомый приём. Да и пахло от него той же сладковатой, манящей «пищей», которую он уже встречал раньше.

— Стойте здесь и не двигайтесь, — бросил он своим спутникам.

Мешкать больше нельзя. Эта так называемая «благодать» Святой Матери была не чем иным, как ослабленной версией того самого проклятия — призрачного наговора, от которого страдал Су Чжэнь.

Пусть её сила была куда слабее — именно поэтому, должно быть, храмовники и устраивали подобные службы регулярно, — вред для простых смертных оставался непоправимым. Тварь забирала самое ценное: жизненную силу и ту крупицу удачи, что отмерило им небо. На первый взгляд эти паломники казались здоровыми, но если они продолжают поклоняться этому фальшивому божеству, их ждёт скорая старость и мучительная смерть.

А после кончины их ждала куда более страшная участь. Твари либо сожрут их истощённые души без остатка, либо подчинят своей воле через эти невидимые путы, заставив вечно служить себе. Жизнь в рабстве, где даже смерть не приносит избавления, — участь хуже полного уничтожения.

Хоть Фу Цанчжоу и сердился на глупость верующих, он не мог безучастно смотреть, как сотни ни в чём не повинных людей обрекают себя на вечные муки. Теперь становилось ясно, почему Система не поскупилась на щедрую награду за этот контракт. На кону стояло слишком много жизней.

Главное — если не покончить со Святой Матерью прямо сейчас, слухи о её «чудесах»

разлетятся по округе, привлекая всё новые толпы жертв. Последствия такого промедления страшно было даже представить.

Оборвав тревожные мысли, Фу Цанчжоу сотворил защитный барьер вокруг Су Чжэня и Баоцзина с помощью Трансформации в туман. Затем он мысленно приказал одеянию «Ледяные небеса и рассветная луна» изменить форму, укрыв его с ног до головы плотным капюшоном.

Приняв истинный облик Повелителя призраков, он шагнул из туманной дымки прямо к алтарю Святой Матери.

Как он и ожидал, древняя сущность, затаившаяся в изваянии, мгновенно почуяла его мощную иньскую ауру. Однако нападать сразу тварь не спешила — то ли выжидала, то ли у неё попросту не хватало на это разума.

Подойдя вплотную, юноша наконец смог разглядеть истинную природу чудовища.

Древние манускрипты гласили, что для создания ивового духа заклинатели используют темные ритуалы: в строго определенный час они срезают ветвь с векового дерева и вытачивают из неё куклу размером чуть больше двух вершков, после чего вдыхают в неё жизнь особыми заговорами.

Иногда любящие сердца шли на это, чтобы вернуть к жизни безвременно ушедших близких. Поместив человеческое сердце внутрь деревянной оболочки, они даровали мертвецу подобие вечного существования.

Другие же окропляли куклу собственной кровью, создавая безвольного, но невероятно чуткого марионеточного слугу.

Вглядываясь в пустоту внутри каменного изваяния, Фу Цанчжоу видел запертого там ивового духа, но не мог с уверенностью сказать, к какому типу тот относится.

Впрочем, какая разница? Кто бы ни скрывался за этой личиной, творящему зло пощады быть не должно. Наверное, не ему, полупризраку, рассуждать о высшей справедливости, но в одном он был уверен точно: сегодня лёгкой победы, как в схватке с Летающей головой, ждать не приходилось. К тому же несчастная Летающая голова заслуживала сострадания, тогда как этот ивовый дух погряз в неискупимых грехах.

Лучше действовать, чем предаваться бесплодным размышлениям. Раз противник замер в ожидании, Фу Цанчжоу нанесёт удар первым!

Он не стал атаковать в лоб, решив прибегнуть к одной хитрой уловке. Способ, которым изваяние вытягивало души верующих, до странности напоминал его собственную способность поглощать чужие эманации.

А раз так... почему бы не перехватить чужую добычу прямо у твари под носом?

В средних классах ему довелось три года прожить в школьном общежитии в самой глухой провинции, где столовая работала по старинке: еду выдавали строго по очереди. Стоило начаться последним минутам финального урока, как все ученики уже сидели с алюминиевыми мисками наготове. Едва звенел звонок, как самые шустрые, не дожидаясь разрешения учителя, сигали прямо в окна. Применяя все навыки паркура и развивая скорость на уровне стометрового спринта, они неслись к раздаче.

Пройдя через такую суровую школу выживания, Фу Цанчжоу наловчился действовать молниеносно. Увести «обед» из-под носа деревянного истукана для него было парой пустяков.

Разумеется, сам он эти души глотать не собирался. Он ведь был благовоспитанным, принципиальным и высокоморальным Повелителем призраков новой эпохи, а не каким-то диким упырём. Пожирать человеческие жизни — живые или мёртвые — претило его натуре. Поэтому, перехватывая направлявшиеся к статуе потоки душевной энергии, он мимоходом отправлял их обратно законным владельцам.

Ивовый дух, обладавший зачатками разума и способностью мыслить, не вынес подобной дерзости. Лишившись подношений, он пришёл в ярость. Да и какая разница, если вместо жалких душонок смертных перед ним стоял настоящий Повелитель призраков? Его плоть и сила были во сто крат ценнее любой паломнической крови.

Вырвавшись из груди людей, бесчисленные полупрозрачные нити переплелись в воздухе, соткав гигантскую ловчую сеть, и с шипением обрушились на юношу.

В груди Фу Цанчжоу вскипела ярость. Разум заволокло пеленой гнева: к чёрту Проклинающий небеса громовой талисман, к чёрту Запечатывание гроба! Сейчас им правила чистая, первобытная инстинктивная сила.

В его кроваво-красных глазах вспыхнуло потустороннее пламя. Из кончиков пальцев с тихим щелчком высунулись длинные, острые как бритва когти — без малого два вершка смертоносной стали. С резким взмахом он полоснул по летящей на него паутине, разорвав её в клочья.

Воздух содрогнулся от мощного выброса энергии. Приоткрыв алые губы, юноша сделал глубокий вдох, без остатка втягивая в себя всю высвободившуюся призрачную силу ивового духа.

<http://bllate.org/book/19708/2001252>